

**Т.С. Каландаров**

**АГИОГРАФИЯ «АПОСТОЛА ПАМИРСКИХ  
ИСМАИЛИТОВ»  
(К 1000-ЛЕТИЮ НОСИРА ХОСРОВА)**

В памирской агиографии личность Носира Хосрова (Абу Муин Носир ибн Хосров, Насир-и Хосров; Насири Хисрав) (1003/04–1088/89) – персидско-таджикского мыслителя, поэта и проповедника исмаилизма – одного из направлений шиитского ислама – занимает особое место. Выдающийся востоковед А.А. Семенов не случайно назвал его, употребляя христианский термин, «апостолом памирских исмаилитов»<sup>1</sup>. Тем самым он, возможно, хотел подчеркнуть избраннический характер его религиозно-просветительской деятельности.

До настоящего времени дошло несколько его подложных биографий и автобиографий, созданных в разные хронологические периоды. Часть из них была подготовлена, судя по всему, вскоре после смерти Носира Хосрова. Устные предания о нем до сих пор широко распространены как в Афганистане, где находится чтимый местными жителями и паломниками мазар «Шах Носир Хосров»<sup>2</sup>, так и в Таджикистане, а именно в Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО), население которой считает Носира Хосрова величайшим проповедником исмаилизма.

Как указывал один из наиболее авторитетных исследователей творчества мыслителя А.Е. Бертельс, причиной создания цикла «легенд о Носире»<sup>3</sup> был повышенный интерес современников и последующих поколений к его личности<sup>3</sup>. Биография Носира полна превратностей и коллизий, связанных с его службой при султанском дворе, путешествиями по разным странам в поисках божественного откровения, а главное – борьбой с ортодоксальным исламом. В одних легендарных биографиях он изображается как религиозный еретик и заговорщик, в других – как святой, живший в пещере и творивший чудеса.

Со времени проповеднической миссии Носира Хосрова на Памире прошла почти тысяча лет, но память о нем, как указывалось выше, сохраняется в легендах, преданиях и песнях немногочисленных памирских народов – бартангцев, ваханцев, рушанцев, шугнанцев и др. Почти в каждой труднодоступной высокогорной долине Горного Бадахшана говорят на своем языке, имеют свои этнические особенности. Почти все памирцы – двуязычны; наряду с родным языком они владеют таджикским, который обычно используют в качестве письменного, поскольку памирские языки – бесписьменные.

Именно этим обстоятельством объясняется отсутствие у памирцев литературных жизнеописаний Носира Хосрове на своих языках. Вместе с тем, как указывают некоторые исследователи (С.А. Токарев, В.Н. Басилов, Г.П. Снесарев и др.), под агиографией нередко подразумеваются не только письменные жизнеописания святых, но и вся совокупность житийных сведений, включая и бытующие в устной передаче предания<sup>4</sup>.

В настоящей статье предпринята попытка сравнительного анализа легенд и преданий о Носире Хосрове у народов Горного Бадахшана, с одной стороны, и достоверно известных фактов его биографии, с другой. Памирская устная агиография поэта и мыслителя представляет собой, на наш взгляд, ценный источник по истории исмаилизма в его горнобадахшанском варианте. Правда, В.О. Ключевский в свое время вынес суровый приговор житиям как историческому источнику. Он писал, в частности, что «как бы ни было житие богато живыми подробностями, оно не удовлетворит историка. ...Дорожа лишь той стороной явлений, которая обращена к идеалу, биограф забывал о подробностях обстановки, места и времени, без чего для историка не существует исторического факта»<sup>5</sup>.

Здесь не место спорить с выдающимся русским историком. Сошлемся на мнение большого знатока житийной литературы Г.П. Федотова, справедливо, на наш взгляд, полагавшего, что В.О. Ключевский «искал в житии не того, что оно обещает дать как памятник духовной жизни, а материалов для изучения постороннего явления: колонизации русского Севера»<sup>6</sup>. В качестве примера обратимся к грузинской агиографии, а именно к мартириям – жизнеописаниям мучеников нового времени. Как пишет современный исследователь Г.В. Цулая, авторы мартириев, по всей видимости, могли быть знакомы со свидетелями подвигов своих героев, что «придает их сочинениям надежность исторических источников, каковыми они и признавались критически мыслящими грузинскими книжниками XVIII в.»<sup>7</sup>.

Как бы то ни было, исторические предания, распространявшиеся в Горном Бадахшане о Носире Хосрове, можно рассматривать в первую очередь как один из важных жанров народно-поэтического творчества памирцев.

Материалом для нашего исследования будут служить легенды и предания, собранные сотрудниками Института гуманитарных наук Памирского филиала Академии наук Таджикистана в Горном Бадахшане<sup>8</sup>, а также автором данной статьи во время этнографических экспедиций на Западный Памир в 1998 и 2002 гг. Нашими информантами были не только духовные лица исмаилитов – халифы, но и рядовые памирцы, главным образом преклонного возраста, которые получали сведения о Носире Хосрове от своих предков.

\* \* \*

Исмаилизм утвердился в Горном Бадахшане в XI–XII вв. через несколько столетий после своего возникновения в Арабском халифате. С самого начала его последователи подвергались жестоким гонениям со стороны ортодоксального суннитского духовенства, да и представители шиитского направления в исламе до сих пор воспринимают исмаилитов как деноминацию.

Каждый народ, по справедливому замечанию русского философа Г.П. Федотова, имеет собственное религиозное призвание, которое в наиболее полном объеме осуществляется его выдающимися религиозными деятелями – подвижниками веры<sup>9</sup>. Для памирцев это прежде всего Носир Хосров, Шобурхон-и-Вали, Шоабдол, Фокмамад, Худжа-и-Нур и др.<sup>10</sup>. Их судьба и деяния на протяжении многих столетий служили основой этноконфессиональной жизни древних памирских изолятов. В условиях географического и социокультурного удаления от центров мировой цивилизации и отсутствия письменности устные легенды и предания были одним из немногих, но, пожалуй, важнейшим источником религиозных воззрений памирцев.

На протяжении веков в Горном Бадахшане сложился корпус устных исторических преданий о ряде исламских религиозных деятелей прошлого. Возникнув из рассказов очевидцев или современников, некоторые из них при передаче из поколения в поколение отходили от фактической первоосновы, приобретая характер легенд. Так случилось и с агиографией Носира Хосрова. Следует подчеркнуть, что при отсутствии мечетей у исмаилитов Горного Бадахшана культ святых здесь тесно связан с *остонами* (мазарами) – сакральными местами, где совершаются как коллективные, так и индивидуальные культовые отправления<sup>11</sup>.

Можно предположить, что памирская агиография Носира Хосрова складывалась в первую очередь на базе его произведений, которые были известны на востоке мусульманского мира, в том числе на Памире, хотя тексты их подвергались всевозможным искажениям со стороны правоверных исламских авторов. Например, текст первого дошедшего до нас произведения Носира – «Сафар-наме» был сокращен, и из него оказались исключены места, где автор говорит о своей приверженности исмаилизму<sup>12</sup>. Вместе с тем философские произведения ученого воспринимались на Памире в качестве богослужебных книг. А.А. Семенов сообщал, что в начале XX в. халифы памирских исмаилитов читали богословский трактат Носира «Ваджи дин» («Ли-

цо Веры») в домах над больными с лечебными целями или над покойниками перед погребением<sup>13</sup>.

Одна из пяти дошедших до нас рукописей труда Носира Хосрова «Ровшанайи-наме» («Книга Света») ведет свое происхождение из Шугнана. Это небольшая тетрадь из среднеазиатской лощеной бумаги размером 6 × 8,4 см с текстом на 19 листах. На последней странице указывается, что рукопись «написана рукою ничтожного раба, с головы до ног полного недостатков...» в 1909 г. Автором списка был грамотный шугнаец, житель кишлака Поршинева Сейид-Шахзаде-Мухаммед<sup>14</sup>. Он переписал для А.А. Семенова не только текст Носира Хосрова, но и ряд важных исмаилитских сочинений.

Следует сказать, что сочинения Хосрова до сих пор почитаются бадахшанскими исмаилитами так же, как и Коран, особенно его «Ваджи дин»<sup>15</sup>.

Еще один источник житийных сведений о Носире на Памире – его псевдоавтобиографии, в частности легендарное житие «Сафар-наме-йи Носир Хосров», рукопись которого была привезена с Памира А.А. Семеновым и хранится ныне в Петербургском отделении Института востоковедения РАН, а также низаритский вариант псевдобιοграфии Носира, получивший широкое распространение среди памирских исмаилитов<sup>16</sup>. А.Е. Бертельс был убежден, что жития Носира Хосрова представляют интерес «как своеобразные памятники агиографической литературы Востока», а «памирское Сафарнама имеет много общих черт с житием святого Антония (по Афанасию Александрийскому) и содержит элементы, встречающиеся в современном таджикском фольклоре»<sup>17</sup>.

Все известные нам памирские исторические предания родины Носира называют Кабадиан на юге Вахшской долины недалеко от р. Пяндж. Действительно, Абу Муин Носир ибн Хосров, или просто Носир, как он называл себя в стихах, родился в Кабадиане. Ныне на территории Шаартузского р-на Таджикистана сохранились развалины этого древнего города, бывшего некогда крупным торгово-ремесленным центром.

Что касается социального происхождения Носира, то оно не интересует повествователей. Между тем известно, что Носир Хосров происходил из довольно богатой семьи иранского происхождения, члены которой имели земельные угодья и занимали административные посты.

Рассказчиком не хватало сведений о детских годах Носира, и они в этом случае прибегали к агиографическим шаблонам, сообщая о том, что это был «чудо-ребенок», душа которого жаждала познания Бога. Согласно памирским легендам, в 11 лет Носир Хосров закончил бухарское медресе. Коран он выучил наизусть, когда ему было 9 лет<sup>18</sup>, но помимо ислама его интересовали и другие религии.

Далее в преданиях о Носире следует мотив, который присутствует в Библии<sup>19</sup>, а также в христианских жизнеописаниях, в частности в житии святого Сергия Радонежского<sup>20</sup>, а именно встреча с духовным лицом, которое наставляет отрока на путь веры.

По сообщению одного из наших информантов<sup>21</sup>, Носир в беседах с близкими жаловался на то, что он, прочитав много мудрых книг Востока и путешествуя по разным местам, не нашел путь к Богу. Однажды в одном из городков Носир увидел около мечети большую толпу. Подойдя ближе, он услышал, как священнослужитель вдохновенно провозносит проповедь, и стал «с замиранием сердца, в смиренном молчании» слушать ее. После окончания проповеди отрок подошел к священнослужителю и робко спросил, кто может указать ему путь к Богу. Этот простодушный вопрос смутил красноречивого проповедника.

И тут из толпы вышел слышавший вопрос мальчика один из верующих и предложил ему следовать за ним. Это был, по словам информанта, или «великий старец гор ал-Хасан ибн Саббах» (один из выдающихся проповедников исмаилизма, автор учения *ад-да'ва ал-джадид* – «новый призыв»), или «воплотившийся Мухаммад Джаффар Садык» (отец имама Исмаила Джаффар ас-Садык). Носир и незнакомец шли в молчании до тех пор, пока не оказались за пределами города. Здесь мужчина спросил мальчика о его сомнениях. Когда же тот рассказал о своем желании служить Богу, лицо незнакомца «просветлело, как у ангела». Он сказал, что всемогущий и милосердный Бог давно наблюдает за исканиями отрока и хочет испытать его: «Отны-

не ты получишь просимое, правда, не сразу и не до конца. Я пришел к тому дому ради тебя, Носир, чтобы открыть тебе сокровенное. Внемли, прекрасный юноша». С этими словами незнакомец опустил под чинару и целый день поучал высшей премудрости 11-летнего мальчика, а затем неожиданно исчез. Встреча с таинственным незнакомцем дала озарение Носиру.

В дошедших до нас источниках о годах детства и юности Носира Хосрова почти нет никаких сведений. С достоверностью можно утверждать лишь то, что еще совсем молодым он переехал из Кабадиана в Балх (ныне в Афганистане) – вторую столицу газневидского султана Масуда II. Здесь благодаря своему доброму нраву, поэтическому таланту и происхождению из знатной семьи он был принят к султанскому двору.

Занимая формально должность дабира – письмоводителя, Носир слагал песни и газели, воспевал в стихах кудри и глаза возлюбленной. Однажды, нуждаясь в деньгах, он обратился с панегириком к султану, но тот не заплатил за стихотворение. Как в старости вспоминал сам Носир, он участвовал в попойках («от того вина, которое я выпил в то время, еще сегодня я чувствую похмелье»<sup>22</sup>) с султаном, ждал подарков от богачей, не помогал бедным родственникам и соседям и писал пустые глупые стихи.

Следует сказать, что в своих касыдах Носир весьма критически оценивает деяния своей молодости, хотя и не без сожаления вспоминает о том, как он был тогда строен, румян, черноволос и крепко сложен. С иронией он пишет о себе:

*Теперь, когда время сделало стрелу твоего [стана]  
луком,  
почему теперь ты не поешь любовные песни вместо  
благочестия?*<sup>23</sup>

Несмотря на бурно проведенные годы молодости, Носир Хосров, как установили исследователи, к 40 годам был высоко образованным для своего времени человеком, хорошо изучившим религиозные и философские системы и имевшим богатые познания в самых различных областях<sup>24</sup>. Это видно и из его первого дошедшего до нас произведения «Сафар-наме». Когда ему исполнилось 42 года, в его духовной жизни произошли серьезные изменения. Таким образом, в 1054 г. мыслитель и «искатель истины» начинает свое более чем семилетнее путешествие<sup>25</sup>.

Интересно, что почти во всех памирских преданиях есть упоминание о нескольких хаджах Носира в Мекку. Вероятно, разные эпизоды его реального семилетнего странствия контаминировались в одно, но очень важное для мусульманина событие – хадж.

Как утверждается в легендах памирских исмаилитов, Носир после семи хаджей в Мекку отправился в Египет, где познакомился с высшим духовным лицом исмаилитов – «имамом времени» Мустансиром. Тот сразу почувствовал озаренность ученого и благословил его на проповедническую деятельность в Горном Бадахшане.

Исмаилитская династия Фатимидов вела свое происхождение от дочери Мухаммада Фатимы и правила на Ближнем Востоке в X–XII вв.<sup>26</sup> «Имамом времени» признавался фатимидский халиф, при дворе которого существовало специальное учреждение – *дар ал-илм*, ведавшее деятельностью да'и (проповедники) за пределами халифата. Дар ал-илм поделил весь мир на 12 областей, во главе которых были поставлены *худжаты* (или *сахиб-джазира*), руководившие пропагандистской деятельностью подчинявшихся им да'и различных степеней.

О встрече Носира Хосрова и Мустансира повествует в целом достоверный, но требующий дополнительной проверки источник – «Китаб би хидайат ал-му'минин» Фида'и<sup>27</sup>. Прибыв в Египет, Носир познакомился в Каире с одним да'и и попросил его помочь встретиться с халифом Мустансиром. Знакомый сказал, что раз в году, в дни Навруза халиф выезжает в загородный сад, разбитый его предком халифом Хакимом, и устраивает там празднество. В эти дни случаются и торжественные приемы. Носир два месяца ждал наступления Навруза. В один из дней он стоял на доро-

ге, по которой должен был проехать Мустансир. Халиф-имам, видимо, предупрежденный новым знакомым Носира, попросил одного из своих приближенных позаботиться об иностранце. Носир несколько дней прожил в доме этого человека. Когда же халиф возвращался после окончания праздника в свою резиденцию, Носир вновь ожидал его на дороге. На этот раз халиф-имам Мустансир удостоил страждущего беседы и принял к себе на службу. А через некоторое время сделал Носира Хосрова своим художатом для проповеди исмаилизма от его имени в Хорасане.

А.А. Семенов сообщает, что в известных ему редакциях (псевдо) автобиографии Носира Хосрова не встречался рассказ о знакомстве Хосрова с Мустансиром, а в «Сафар-наме» «совершенно ничего не говорится о мотивах длительного пребывания Носир-и Хусрау в Египте и о посвящении его в тайны исмаилизма»<sup>28</sup>. Однако один из младших современников Носира, с враждой относившийся к исмаилитам, писал: «И у них в каждой стране есть человек, который призывает к этой вере народ. Этого человека называют сахиб-джазира, и ему в каждой стране подчинены да'и. И о двух людях в наше время было известно, что они добились поста сахиб-джазира: один – Насир-и Хосров, который поселился в Йомгане и сбил с пути тот народ, и его ересь там завелась, и другой – Хасан Саббах»<sup>29</sup>.

Это сообщение представляет для исследователей жизни и творчества Носира Хосрова большую ценность, поскольку совпадает с автобиографическими сведениями, содержащимися в произведении самого Носира Хосрова. Он неоднократно называет себя как сахиб-джазира, так и художатом («для разумных я в Хорасане – художат Мустансира, [посланный] к невеждам»)<sup>30</sup>.

В 1052 г. Носир возвратился в Хорасан, в любимый им Балх, однако вскоре его обвинили в ереси, и толпа религиозных фанатиков едва не разгромила его жилище. В итоге он вынужден был бежать в Бадахшани и обрел убежище в местечке Йомган, где жил поначалу в крайней нищете. В лице бадахшанского эмира он нашел человека, который понял его. Благодаря поддержке эмира Носиру удалось собрать в Йомгане много своих последователей и превратить город в цитадель исмаилизма. Именно отсюда он и его приверженцы во второй половине XI в. начали проповедовать исмаилитское учение среди народов Памира.

Собственно о миссионерской деятельности Носира в Горном Бадахшане в источниках и произведениях самого Носира Хосрова содержатся весьма скудные сведения. Это, на наш взгляд, объясняется тем, что Памирский регион, находившийся на границе восточной и западной частей Азии, всегда оставался пограничной окраиной великих азиатских государств. Проходившие по долинам Горного Бадахшана военные экспедиции, торговые и дипломатические миссии, паломнические путешествия не затронули ни традиционного уклада жизни, ни этнических судеб памирских горцев.

Именно поэтому при исследовании миссионерской деятельности Носира Хосрова на Памире специалистам не остается ничего иного, как опираться на легендарные, но единственные имеющиеся в научном обороте сведения из исторических преданий. А они гласят, что Носир после возвращения из Египта, не задерживаясь в родном Кабадиане, отправился с просветительской миссией сначала в Иран, а потом на восток Азии. При этом рассказчики описывают испытания и трудности, которые ему пришлось преодолеть: огромные заснеженные хребты, бурные реки, голод и жажда, частые нападения разбойников и т.п. В конце концов, справившись со всеми этими трудностями, он начал свою проповедническую миссию в Горном Бадахшане.

В преданиях подчеркивается, что часть памирцев до прихода к ним Носира Хосрова пребывала во тьме язычества, другие исповедовали зороастризм. Поэтому все они встречали провозвестника исмаилизма с недоверием и нередко враждой. Так, в одном из бадахшанских преданий говорится, будто жители Вахана даже порывались убить его. Один из китайских паломников, побывавший в этом регионе Памира за несколько столетий до Носира, а именно в VII в., сообщал, что его «население имеет от природы склонность к насилию и грубости...»<sup>31</sup>. Однако сила проповеди и молитвы Носира Хосрова была, согласно преданиям, столь велика, что даже горы покло-

нились ему. Это чудо привело в страх и трепет строптивых ваханцев. Они пали ниц перед пророком и приняли его учение.

Преодолевая труднопроходимые *обринги* – укрепленные над пропастью в горах искусственные карнизы в виде деревянных жердей, Носир двигался от одного кишлака к другому и прибыл в Шугнан. Как повествуют предания, жители группы кишлаков Поршинева испытывали недостаток в воде. Со словами молитвы он ударил посохом по земле, и на этом месте забил священный источник. (Подобный сюжет встречается и в преданиях почти всех мусульманских святых.) Здесь он, по рассказам стариков, посадил три дерева, и памирцы до сих пор почитают их. Принято считать, что желание, загаданное у этого источника, вскоре сбудется.

С именем Носира Хосрова жители Западного Памира связывают многие родники и чинары, почитая их как священные. Такие водные источники называют по-шугнански *Piri Sōnōsir Sāxmā* («Источники шаха Носира») <sup>32</sup>. В этом регионе Носира Хосрова нередко называли «султан», «шах» и даже считали потомком халифа Али.

В преданиях не говорится о том, что шугнанцы были язычниками. Не исключено, что они так или иначе уже были знакомы с исмаилитским учением, поскольку через Шугнан проходило одно из разветвлений транспамирского пути <sup>33</sup>. Можно согласиться с Ю.Г. Рычковым, который подчеркивал, что «активный, карающий язычество, ортодоксальный суннизм не удержался долго» в памирском регионе и был вытеснен исмаилизмом, «весьма эластичным в толковании догматов веры и не препятствовавшим возвращению многих языческих “кафирских” традиций на Памир» <sup>34</sup>.

Согласно преданиям, проповедник, посещая разные кишлаки Западного Памира, наблюдал быт и нравы населявших их жителей. До сих пор из поколения в поколение передаются те впечатления о памирских народах, которые якобы сложились у Носира Хосрова во время его миссионерской деятельности в этом регионе. Так, побывав в Гороне, он как будто бы нашел там весьма гостеприимный прием. Именно поэтому, как говорили мне информанты, прощаясь с дружелюбными горонцами, он называл их край хлебосольным. Что касается ваханцев, то они, по рассказам стариков, встречали Носира не столь тепло, как жители Горона. Более того, они не пускали его в свои дома. Не случайно Вахан остался в его памяти как страна «вечной мерзлоты» <sup>35</sup>, что можно рассматривать как поэтически окрашенную негативную оценку.

Согласно другой легенде, в шугнанском кишлаке Дарморахт на р. Арахт (совр. Афганистан) у Носира украли книгу. В связи с этим рассерженный поэт якобы сказал шугнанцам: «Жаль воды Арахта для народа Дарморахта!».

Как свидетельствуют предания, из долины р. Арахт Носир отправился в низовья р. Гунт, где его ждала встреча с жителями шугнанского кишлака Сучан. Они якобы не смогли распознать в нем проповедника исмаилизма, поэтому Носир Хосров назвал их «слепыми». Кстати сказать, на Памире до сих пор по этому поводу подшучивают над сучанцами. Например, жителя Сучана, прошедшего мимо знакомого памирца и не поздоровавшегося с ним, окликают: «Эй, ты, слепой сучанец!».

В кишлаке Вер, что в верховьях Гунта, исмаилитская проповедь Носира оказала глубокое впечатление на местных жителей. Вооружившись кто чем мог, язычники пришли на поклон к миссионеру, готовые выступить вместе с ним в борьбе за новую веру. Предания свидетельствуют, что за это Носир удостоил жителей Вера титулом «храбрые».

Путешествуя по долине Гунта, святой, как говорят старики, замечал, что обитатели одних шугнанских селений не могли быстро собраться на его проповеди, производя впечатление растерянных людей, жители же других селений были более собранными. До сих пор памирцы традиционно говорят о шугнанцах Гунта словами Носира Хосрова: «Иногда в сборе – иногда в раздоре».

В низовьях р. Шахдары Носира Хосрова вновь ждало недоброжелательное отношение со стороны местных жителей: при встрече они отворачивали лица, а некоторые бранили его. Как говорят памирцы, святой якобы прозвал шугнанцев Шахдары людьми с «лицом к стене», т.е. не смотрящих на человека.

По местным преданиям, просветитель отправился в верховья Шахдары, чтобы встретиться там с уже принявшим исмаилизм Фокмамадом – личностью полулегендарной, о жизни и деятельности которой сохранилось крайне мало сведений. Так, по одной из версий, Носир не просто шел на встречу с собратом по вере, а летел к нему по небу, что неудивительно для святых людей, способных творить многие чудеса. Кстати, святой Фокмамад тоже обладал способностью летать, за что даже получил прозвище Парвози, что в переводе с таджикского означает «летающий». Кишлак, где до сих пор сохраняется, как говорят, могила Фокмамада, называется Барвоз. Переход «п» в «б», на наш взгляд, фонетически закономерен.

Шахдаринцы, вероятно, знакомые благодаря Фокмамаду с основами исмаилитского вероучения, встретили проповедника и поэта со всеми почестями. Он гостил среди них и пришедших послушать его проповеди памирцев из других мест несколько дней. В знак благодарности Аллаху за посланного им провозвестника новой веры, как гласит легенда, шахдаринцы зарезали для гостей 70 баранов.

Итак, согласно собранным нами народным легендам, проповедник прошел весь Западный Памир и, встречаясь с разными его населявшими народами, давал им соответствующие оценки. У среднеазиатских народов с древних времен известна традиция «награждать» прозвищами жителей соседних селений. Об этом в свое время писал М.С. Андреев<sup>36</sup>. Сказанное наводит нас на определенные мысли относительно приводимых описаний жителей памирских кишлаков. Вполне возможно, чтобы не обижать своих соседей, памирцы, давая им нелестные характеристики, «сваливали» все на Носира Хосрова.

Как уже говорилось, достоверных сведений о посещении Носиром Хосровом Западного Памира нет, а в творчестве мыслителя есть весьма скудные упоминания об этом. Однако среди памирцев до сих пор бытует твердое убеждение в том, что Носир активно проповедовал исмаилитское вероучение в их регионе.

Трудно поверить в то, что происшедшие чудеса – поклонение гор Носиру и появление родника – заставили памирцев принять учение исмаилизма. Вероятно, сыграл свою роль целый ряд факторов, один из которых – обаяние личности Носира Хосрова как пламенного проповедника. Он проповедовал идеи рационализма и справедливости, прославляя трудовую деятельность человека, его занятия ремеслами и земледелием<sup>37</sup>.

Возможно, успеху пропаганды исмаилизма среди памирцев способствовали толерантное отношение Носира к доисламским верованиям, принятие во внимание общинных традиций и обрядов и т.д. Он, беседуя, например, с памирцами-огнепоклонниками, не отрицал значения огня в духовной жизни людей. Как следствие этого огонь у памирцев-исмаилитов (в отличие от их единоверцев в других странах) до сих пор присутствует во всех обрядах жизненного цикла. Собирая на свои проповеди людей, он поддерживал традицию коллективной трапезы после окончания бесед. До настоящего времени на Памире на третий день после смерти человека в его доме собираются близкие и соседи для поминания души умершего. Читается специальный исмаилитский трактат «Чарогнома» (досл. с тадж. «Книга Светоча») и устраивается поминальная трапеза, которую памирцы традиционнo называют «Призыв Носира».

Как гласят бадахшанские предания, закончив свою миссионерскую деятельность на Западном Памире, Носир, переправившись на другой берег Пянджа, поселился в Йомгане, где провел остаток жизни. В последние годы он жил отшельником в пещере в горах, где писал свои труды. Иногда его навещал там и ухаживал за ним родной брат.

Действительно, большая часть философских трактатов Носира Хосрова написана именно в Йомгане, о чем свидетельствуют многократные упоминания этой местности в его поэтических произведениях. Однако сколько лет он провел в этом городе и когда умер, точно не известно.

Как указывается в одном из памирских преданий<sup>38</sup>, смерть Носира была загадочной. Однажды он тяжело заболел и позвал своего брата. Тот, думая, что больной хочет пить, принес ему кувшин воды. Но Носир отказался принять его, сказав, что за

свою жизнь он много испытал из родников знаний и теперь не нуждается в простой воде. Предчувствуя приближение кончины, он, обращаясь к брату, сделал последние распоряжения: «Часть из написанных мною книг, которые теперь не полезны людям, уничтожь, а другую часть раздай моим ученикам. Стихи передай шаху Бадахшана, а «Ваджи дин» – наставникам Бадахшана».

Обратим внимание на один факт. В данном отрывке из всех созданных Насиром произведений мы находим конкретное указание лишь на «Ваджи дин». И это не случайно. Данный богословский трактат, в котором раскрывается, согласно исмаилитской догматике, одна из высочайших ценностей исмаилитов – «знание», до сих пор изучается и почитается жителями Горного Бадахшана<sup>39</sup>. Он неоднократно переписывался, и до сих пор его рукописные варианты можно найти на Памире. Выше приводилось свидетельство А.А. Семенова об употреблении «Ваджи дин» в качестве богослужебной книги горнобадахшанскими халифами.

В 1969 г. исследователь Памира К. Эльчибеков нашел одну рукописную книгу, написанную в первой половине XIX в. В ней, в частности, говорится, что некий Саид Сухроб Вали, будучи парализованным, в четырехлетнем возрасте был приведен к Носиру Хосрову, который исцелил его. Мальчик остался с ним. Именно ему мыслитель оставил свой труд «Ваджи дин», а «Диван» – другому ученику – Бобо Умари Йомги<sup>40</sup>.

Носир Хосров, как и полагается святым, согласно канонам житийной литературы, обладал даром предвидения, а потому знал о том, что произойдет после его смерти. В указанном выше предании приводится следующее предсказание Носира: ««После того как я перейду в мир иной, два джинна поднимут мое тело, унесут в ущелье Йомгана и опустят туда. А ты, о возлюбленный мой брат, бросишь в ущелье вот этот тумор (талисман)». С этими словами Носир Хосров протянул брату драгоценную реликвию и вскоре испустил дух».

Как и было предсказано, на глазах многочисленных скорбящих учеников и последователей, в присутствии афганского правителя и его свиты два джинна подняли саван с телом Носира и унесли его в ущелье, а брат, выполняя завещание покойного, бросил туда талисман. «И в тот же миг, – гласит предание, – горы в том месте сомкнулись, скрыв могилу величайшего пира Бадахшана».

В действительности могила Носира Хосрова находится на территории Афганистана, в Йомгане, неподалеку от современного кишлака Хазрат-и Сайид, куда совершают хадж приверженцы исмаилизма, которых насчитывается сегодня в мире, по разным оценкам, свыше 20 млн человек. Исмаилизм, «апостолом» которого в Горном Бадахшане был Носир Хосров, до сих пор играет огромную роль в жизни населяющих этот регион народов. Возникновение его как течения общественной мысли явилось поворотным пунктом в интеллектуальной жизни мусульман и отличалось от других течений в исламе прежде всего своими связями с философской мыслью античности и эпохи средневековья<sup>41</sup>. В контексте сказанного выше памирскую агиографию Носира Хосрова можно рассматривать как составную часть духовного наследия исмаилитов.

### Примечания

<sup>1</sup> Семенов А.А. Предисловие к «Истории Шугнана» // Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год XXI. (11 декабря 1915 г. – 11 декабря 1916 г.). Ташкент, 1917. С. II.

<sup>2</sup> См.: Бурхан-ад-Дин-хан-и-Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. Ташкент, 1926.

<sup>3</sup> Бертельс А.Е. Насир-и Хосров и исмаилизм. М., 1959.

<sup>4</sup> Религиозные верования: Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 5. М., 1993. С. 10; Гольдциэр И. Культ святых в исламе. М., 1938; Снесарев Г.П. Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии. М., 1983. С. 16, 25.

<sup>5</sup> Ключевский В.О. Древнерусские жития как исторический источник. М., 1988. С. 430, 433.

<sup>6</sup> Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 1990. С. 31.

<sup>7</sup> *Цулая Г.В.* Из истории грузинской агиографии: «Мученичество всеславной страдальицы царицы Кетеван, которая была замучена неверным царем Персии Шах-Аббасом в городе Ширазе» // *Этнограф. обозрение.* 2000. № 2. С. 101.

<sup>8</sup> Рукописный фонд Института гуманитарных наук Памирского филиала АН Республики Таджикистан.

<sup>9</sup> *Федотов Г.П.* Указ. соч. С. 27.

<sup>10</sup> См.: *Каландаров Т.С.* Святлица Западного Памира // *Полевые исследования Ин-та этнологии и антропологии РАН.* М., 2002. С. 218–239.

<sup>11</sup> *Каландаров Т.С.* Остоны Памира // *Восточная коллекция.* 2002. № 2. С. 55–62.

<sup>12</sup> *Бертельс А.Е.* Указ. соч. С. 149.

<sup>13</sup> См.: *Семенов А.А.* Из области религиозных верований шугнанских исмаилитов // *Мир ислама.* 1912. Т. 1. Кн. 4. С. 555–556. А.А. Семенов (1873–1958) – первый в СССР специалист-исламовед, внесший значительный вклад в памироведение. Его по праву называют лучшим знатоком исмаилизма (*Смирнов Н.А.* Очерки истории изучения ислама в СССР. М., 1954; *Литвинский Б.А., Акрамов Н.М.* Александр Александрович Семенов (научно-биографический очерк). М., 1971).

<sup>14</sup> *Семенов А.А.* Шугнанско-исмаилитская редакция «Книги Света» Насир-и-Хосрова // *Зап. коллегии востоковедов.* Т. V. 1930. С. 591.

<sup>15</sup> *Носир-и Хусрав.* Ваджи дин. Душанбе. 2002 (на тадж. яз.).

<sup>16</sup> *Семенов А.А.* Описание исмаилитских рукописей, собранных А.А. Семеновым // *Изв. Российской Академии наук.* 1918. С. 2188, 2193.

<sup>17</sup> *Бертельс А.Е.* Указ. соч. С. 152–153. См. также: *Носир Хосров.* Сафарнома. Хорог, 1992 (на тадж. яз.).

<sup>18</sup> *Носир Хосров.* Сафарнома. С. 55.

<sup>19</sup> Имеется в виду встреча Саула, посланного отцом искать потерянных ослиц, с пророком Самуилом, возвестившим ему грядущее царство. См.: I Цар. X, 2–6.

<sup>20</sup> Отрок Варфоломей (будущий преподобный Сергей), посланный отцом искать коней в поле, встречает старца, который чудесно дарует ему способности к книжному учению и разумению Святого Писания. См.: *Жития и творения русских святых.* М., 1993. С. 91.

<sup>21</sup> Сообщение Джумы Эронова, 1908 г. рожд., кишлак Поршинев Шугнанского р-на ГБАО, 2002 г.

<sup>22</sup> *Насир-и Хосров.* Диван. Техран, 1304/1925–1926. С. 277 (на фарси). Перевод на русский А.Е. Бертельса.

<sup>23</sup> Там же. С. 248. Перевод на русский А.Е. Бертельса.

<sup>24</sup> *Дафтари Ф.* Исмаилиты: история и доктрина/Пер. с англ. М., 1999. С. 229.

<sup>25</sup> См.: *Арабзода Н.* Исмаилитская философия Носира Хусрава. Душанбе, 1997.

<sup>26</sup> См.: *Бертельс А.Е.* Указ. соч. С. 180.

<sup>27</sup> *Фида'и.* Китаб би хидаиат ал-му'минин. М., 1959 (на фарси).

<sup>28</sup> *Семенов А.А.* Предисловие // *Фида'и.* Указ. соч. С. 16.

<sup>29</sup> Цит. по: *Бертельс А.Е.* Указ. соч. С. 184.

<sup>30</sup> Там же.

<sup>31</sup> *Аристов Н.А.* Этнические отношения на Памире и прилегающих странах по древним, преимущественно китайским историческим известиям // *Русский антропол. журн.* 1902. № 3. С. 63.

<sup>32</sup> См.: *Додихудоев Р.Х.* Термины материальной и духовной культуры в топонимике Памира // *Вопр. памирской филологии.* Вып. 3. Душанбе, 1985. С. 115.

<sup>33</sup> См.: *Зелинский А.Н.* Древние пути Памира // *Страны и народы Востока.* Вып. 3. М., 1954.

<sup>34</sup> *Рычков Ю.Г.* Антропология и генетика изолированных популяций (Древние изоляты Памира). М., 1969.

<sup>35</sup> Сообщения жителей пос. Гармчашмы и кишлака Рын Ишкашимского р-на ГБАО, 2002 г.

<sup>36</sup> *Андреев М.С.* Прозвища жителей различных селений в Матче. Верховья р. Зерафшана. Б.м., 1924.

<sup>37</sup> *Додихудоев Х.Д.* Философия крестьянского бунта (о роли средневекового исмаилизма в развитии свободомыслия на мусульманском Востоке). Душанбе, 1987.

<sup>38</sup> Это предание незадолго до своей смерти мне рассказал дед по отцовской линии Казок Каландаров, 1911 г. рожд., житель кишлака Амбав Ровшткалинского р-на ГБАО.

<sup>39</sup> См.: *Ivanow W.* Nasir-I Khusraw and Ismailism // *Ismaili society.* Cairo, 1948; *Семенов А.А.* К догматике памирского исмаилизма (глава XI «Лицо Веры» Носыр-и Хосрова). Ташкент, 1926.

<sup>40</sup> *Эльчибеков К.* Исторические источники в Бадахшане // *Изв. АН Таджикской ССР. Отд-ние обществ. наук.* № 1 (79). Душанбе, 1975. С. 28–30.

<sup>41</sup> *Додихудоев Х.Д.* Указ. соч. С. 19–20.

## **T.S. Kalandarov. The Agiography of the «Apostle of the Pamir Ismaeli» (Towards the Centennial of Nasir-I Khusraw)**

The paper describes the life of Nasir-I Khusraw, an outstanding medieval philosopher and poet, one of the founders of Ismailism, a religious movement among Shi'a Moslems. Russian orientalist A.A. Semenov, employing a Christian term, named him «The Apostle of the Pamir Ismaeli». Pamir inhabitants honor the memory of Nasir-I Khusraw as their spiritual leader and missionary. Fieldwork data and published sources are used by the author for reconstruction of the biography of Nasir-I Khusraw, which is systematically compared with local Pamirian agiographic accounts of his life.